

18+

УЗЕЛ СТРАХА

Привязанная

Яна Озара

Яна Озара

Привязанная. Узел Страха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73387583

ISBN 9785006933125

Аннотация

На Сервитус ведут пути в один конец, где рабство – как тяжелый рок, а жизнь – лишь тлен и пепел. Верею ждет ошейник – каторжный венец, и крошится ее судьба, как пыльный ветер. На выжженных песках родится пламя из искры надежды. Мир больше не останется таким, как прежде. Но страх живет внутри, в плену железных прутьев. Чтобы выйти к свету в шторме перепутий, нужно зажечь огни и стать сильнее сути. Свобода – дар, что куплен не мольбой, ее берут не страхом – лишь собой.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Там лилии цветут...	7
Глава 2. Азбука Морзе	19
Глава 3. Белое Солнце Пустыни	33
Глава 4. Лагерь Теней	46
Глава 5. Между Мирами	57
Глава 6. Пока Он Спит	64
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Привязанная. Узел Страха

Яна Озара

© Яна Озара, 2026

ISBN 978-5-0069-3312-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

*Это последняя книга пути.
Здесь больше нельзя свернуть.
Здесь невозможна дорога назад.*

*Если ты дошел до этих страниц —
значит, страх перестал быть просто тенью.
Он не всегда кричит.
Иногда он выбирает тишину.*

*Некоторые миры созданы, чтобы подчинять.
Не кандалами – связями, вплетенными в разум.
Не приказами – страхом, ставшим твоей мыслью.*

*Сервитус – место, где ошейник касается не кожи, а воли.
Где чужое решение встраивается в мозг
и прорастает в нем собственным голосом.*

*Эта история о третьем узле.
О том, который нельзя развязать бегством.
Его можно только признать.
Озвучить.
И либо принять как часть себя —
либо отпустить навсегда.*

Все книги трилогии «Привязанная» доступны на этой платформе:

1-я книга: «Привязанная. Игры Озаренных»

2-я книга: «Привязанная. Острова Семиры»

3-я книга: «Привязанная. Узел Страха»

Глава 1. Там лилии цветут...

Лилии... Я ненавидела этот запах.

Он преследовал меня в каждом кошмаре. Кошмаре длиною в две жизни.

И только здесь, в плену, память вернулась.

Седьмой уровень. Земля.

Микроавтобус мчался по шоссе, оставляя за собой желто-серые клубки пыли. В салоне было душно. Я попыталась открыть форточку, но замок заклинило.

– Девушка, у вас открывается? – я кивнула на окно. –

Очень жарко, а у меня не получается.

– Сейчас попробую, – отозвалась соседка тонким, почти детским голосом.

Она приподнялась на цыпочках и с усилием попыталась сдвинуть стекло. Худощавая, невысокая, с длинными медными волосами, она чем-то напоминала меня. Ярко-зеленые глаза сразу цепляли взгляд. В чертах лица угадывалось что-то знакомое, но чересчур резкое, взрослое. Плотный макияж только подчеркивал это странное желание казаться старше.

– Нет, не получается. Их что, заклеили? – она выдохнула порцию горячего воздуха.

– Давно не открывали, наверное. Я Верейя.

– А я – Виктима. Можно просто Вика. Вы тоже на работу?

– Да, официанткой. А вы?

– Тоже, – девочка откинулась на спинку кресла и жалобно вздохнула.

– Послушай, Вика... если не секрет, сколько тебе лет?

– Двадцать. А что? – она мгновенно опустила голову, уставившись в телефон.

– А если честно?

– А если честно, это не ваше дело! – огрызнулась она, отворачиваясь.

– Послушай, я не собираюсь тебя сдавать. Наоборот. Я никогда не осуждаю тех, кто пытается выжить. Понятно же, что ты здесь не от хорошей жизни.

Вика затравленно огляделась и сжала губы. Наконец она опустила глаза и едва слышно прошептала:

– Мне четырнадцать. Пожалуйста, не говорите никому. Мне очень нужны деньги. Хочу уехать из этого города, поступить куда-нибудь...

– А родители?

– Нет их. Мама умерла. Живу с отчимом. Как ее не стало, он пить начал. А как выпьет – крыша едет совсем.

– Вика, давай так, – я подседа к ней поближе. – Отработаем смену и поедешь ко мне. А потом я помогу тебе устроиться в новом городе.

– Зачем вам это? – она недоверчиво прищурилась.

– Просто так. Потому что могу, – я пожала плечами.

– Странная вы... Вы же меня не знаете. Вдруг я окажусь воровкой?

– Не окажешься. Воровки в официантки не нанимаются. Да и брать у меня нечего, – я слабо улыбнулась.

– Спасибо. Я подумаю.

Пассажирки принялись возмущаться, требуя включить кондиционер или остановиться у магазина. Водитель лишь ухмыльнулся в зеркало:

– Кондиционер сдох. Магазинов по пути нет. Но я везу на виллу провизию, могу лимонад дать. Будете?

Измученные жаждой девушки закивали.

Лимонад был прохладным и странно горчил, но в раскаленном салоне это казалось мелочью. Горло саднило, губы пересохли. Я сделала несколько жадных глотков. Вокруг пили так же – быстро, исступленно, будто воду могли отобрать.

В голове промелькнула мимолетная мысль: «Крышка открылась слишком легко, без щелчка». Но я уже влила в себя остатки ледяной жидкости.

***

Я открыла глаза. Босые ступни упирались в холодный камень. Пол качнулся. Свет был тусклым, расплывчатым – мир никак не хотел обретать форму.

Руки и ноги онемели. Я дернулась – запястья и лодыжки

обожгло болью от натертых тугой веревкой ран.

Запах ударил сразу: сырость, застоявшаяся моча, гниль. Тошнота подступила к горлу. Через пару минут зрение адаптировалось.

Я оказалась в огромном подвале без окон. Высокие своды напоминали древнюю цистерну, только вместо воды пол залило багровыми лужами. К колоннам повсюду были привязаны люди – изуродованные, безжизненные. Кровь стекала по узким желобам в камне напрямик к алтарю.

Позвоночник обдало ледяным потом. Я зажмурилась, пытаюсь собрать мысли в кулак, но они разлетались испуганными птицами. Тяжелый топот гулко отозвался в тишине. Голова резко откинулась назад от пощечины.

– Очнулась?

Передо мной вырос громила – рослый, плечистый, с тяжелым взглядом.

– Что здесь происходит? – закричала я, сорвав голос.

– Заткнись!

Удар кулаком в живот вышиб воздух. Я зашла в кашле, сгибаясь. Громила одним рывком распорол на мне одежду. В его руке блеснуло лезвие. Несколько быстрых надрезов на руках и ногах – и моя кровь горячими ручейками поползла по коже. Запах собственной плоти вывернул желудок наизнанку. Громила поморщился от вида рвоты и поспешил отойти.

– Если слышишь шаги – притворяйся мертвой, – донесся

слабый шепот.

Напротив, у соседнего столба, висела женщина. Хрупкая, с темными волосами и раскосыми глазами. Тело, покрытое коркой запекшейся крови и воспаленными нарывами, была крупная дрожь. Она была здесь давно.

– Где мы? – прохрипела я.

– Ритуал... – она подняла лицо. Мне показалось, я ее знаю. Черты лица мучительно знакомы, хотя я была уверена: мы никогда не встречались.

Снова шаги. Скрежет, стоны, глухой удар тела о камень. Я опустила голову, замирая. К пустовавшему столбу рядом привязали мужчину. Из свежих ран на его ладонях, там, где раньше были пальцы, хлестала кровь.

– Дан... – простонала женщина. – Что они с тобой сделали...

– Прости, Стора... – он хрипел, выплевывая кровь. – Моя вина. Я убедил тебя, что его фонд даст нам закончить протоколы.

– Хватит. Мы оба купились. Обещания, лаборатории, неограниченный бюджет... Мы должны были проверить.

– Меценаты... – мужчина криво усмехнулся, и на его губах запузырилась алая пена. – Мы для него не ученые, Стора. Мы – биоматериал.

Женщина на мгновение замерла, ее взгляд заметался по сторонам, словно она все еще пыталась найти логическое объяснение происходящему, выстроить гипотезу, ко-

торая бы спасла их. Но рациональный мир рушился, погребая под обломками все их труды и амбиции.

– Дан, послушай... – она судорожно глотнула воздух, и ее голос вдруг утратил былую твердость. – Не знаю, сколько мне осталось. Вся наша работа... все было не зря. Но сейчас... я просто хотела, чтобы ты знал... Я люблю тебя. И любила всегда...

Она смотрела на него, не отрываясь, пока его голова не упала на грудь. Тело обмякло, превращаясь в пустую оболочку.

– Дан? Дан! Нет! Не оставляй меня! – ее крик перешел в захлебывающийся кашель.

Шум привлек внимание. Я должна была молчать, затаиться, но внутри что-то лопнуло. Ужас выгорел, оставив после себя едкую, черную ярость.

– Ублюдки! – выкрикнула я в темноту. – Чтоб вы сдохли в муках! За что?

– Кто это? – утробный голос пророкотал из глубины зала. От этого звука кожа мгновенно покрылась мурашками. – Приведи ее. Я хочу видеть.

Громила отвязал меня и, схватив за волосы, потащил в центр зала. Там, на каменном возвышении, восседал низкорослый человек в серой, заляпанной бурым рясе.

Беззубая ухмылка. Даже не ухмылка, а ровный штрих на лице, будто рта нет совсем, только темная щель....

Меня словно парализовало. Он видел меня насквозь – каж-

дую тайну, каждый вздох. В его взгляде было не только предвкушение, но и пугающее узнавание. Казалось, он касался моей души липкими руками.

– Рыжая... – произнес он. Голос вибрировал, проходя через деформированную гортань. – Твой Свет. Слишком живой. Слишком яркий для этого мира...

Он всматривался в меня, щурясь, как бы пытаясь разглядеть не лицо, а зыбкое свечение под кожей – слой, видимый только ему. Его взгляд скользил по мне медленно, жадно. Было такое ощущение, что он нащупывал в моей ауре трещину, в которую можно просунуть пальцы.

– Что тебе нужно от меня? – прохрипела я.

– Что мне нужно? – он оскалился в предвкушении.

Приподнявшись, он подошел вплотную и намотал мои волосы на кулак. Несколько минут Беззубый всматривался в мои глаза, выжигая в памяти клеймо. Внезапно он заломил мою руку за спину и рванул вверх. Раздался сухой, тошнотворный хруст.

Крик разорвал грудь. Я скрутилась от дикой боли, но он не отпуская. Вытащив нож, он стал рассматривать лезвие с рассеянным вниманием, будто видел его впервые, а затем резко полоснул меня по икрам. Багровая кровь потекла в желоб. Безразлично, словно грязную ветошь, он швырнул мое тело на каменный пол и направился к алтарю.

Громилла подхватил меня за волосы и потащил в дальний угол подвала. Руки привязал к столбу, голову зафиксировал.

Над макушкой установил сосуд.

Кап.

Время размазывалось, текло сквозь меня липкой слизью. Ледяные капли падали на темя с мерной жестокостью, медленно ввинчиваясь в сознание. Я не знала, сколько прошло: час, день или вечность.

Сквозь пелену страданий и наркотического тумана я чувствовала, как тело сотрясает дрожь. Кто-то снова делал надрезы. Кожу разрывало от прикосновений каленого железа.

Я не кричала – не могла. Горло онемело, губы превратились в корку. Иногда я проваливалась в темноту, иногда просто исчезала, переставая быть собой.

Сквозь бред доносились чужие голоса, визг, хриплые стоны. Казалось, это и есть ад, и я уже мертва. Но боль возвращала назад – я все еще была жива.

Вдруг зал прорезал детский крик. Громила шел в нашу сторону, перекинув через плечо хрупкую девочку. Я всмотрелась в ее лицо сквозь туман в глазах.

Вика. Моя попутчица, которая так отчаянно хотела казаться взрослой.

Ребенок визжал и брыкался, пытаясь вырваться. Громила швырнул ее на камни и со всей силы пнул в живот. Девочка сжалась, хватая ртом воздух.

– Вы что... звери? – мой голос сорвался на хрип. – Что вы творите? Она же еще ребенок!

– Заткнись, а то добавлю, – огрызнулся громила.

– *Делай со мной что хочешь! Отпусти ее!* – от ярости мое тело затрясло. Страх за собственную жизнь испарился.

– А то что? – Громила оскалится.

Он вздернул девочку за руки к креплениям, вынул нож и полоснул ее по ноге. Вика зашлась в пронзительном крике.

Я даже не сразу поняла, что кричу вместе с ней – внутри, без звука. В районе моего солнечного сплетения что-то лопнуло. Боль уже не была моей – она стала раскаленной лавой, текущей по венам.

Я закричала так, что звук, казалось, разорвал мне легкие.

И подвал ответил. Стены содрогнулись. Свечи испуганно мигнули, и по залу прокатилась невидимая волна, за которой вспыхнуло яростное, очищающее пламя.

Раздался подземный гул. Каменный пол содрогнулся, как при землетрясении. Колонны не выдержали – по залу прошел треск, и тяжелые своды начали рушиться. Люди, привязанные к столбам, кричали и заходились в кашле, задыхаясь в густом, едком дыму.

Громила метнулся к выходу, но поздно: массивный проем завалило гранитными глыбами. От очередного толчка столб, к которому я была привязана, рухнул. Веревки на запястьях вспыхнули, обжигая кожу живым огнем.

Гул постепенно стихал, а вместе с ним смолкали и чело-

веческие стоны.

Освободив руки и прижав лоскут рубашки к лицу, я поползла к ребенку.

– Вика... – прохрипела я.

Я коснулась ее плеча, но рука наткнулась на пугающий холод. Виктима больше не дышала.

Возле заваленного входа чернел кусок обгорелой плоти – все, что осталось от Громилы. Безгубый исчез, словно его и не было в этом аду.

Легкие обжигало дымом. Сознание гасло. Я сползла на пол, готовая провалиться в сон, из которого не возвращаются.

Внезапно тело окутало странным теплом. Казалось, по венам потекла раскаленная лава. Она не обжигала – она согревала, вливая жизнь в каждую клетку.

Через минуту я почувствовала дикий, почти животный прилив сил. Сломанная кость уже не ныла, пальцы слушались.

Странно... Я должна была задохнуться, но воздух, пропитанный гарью, перестал убивать.

Дым тянулся вглубь подвала, послушный едва уловимому сквозняку. Значит, где-то есть выход.

Я поднялась. В дальнем углу обнаружилась старая дверь. Она поддавалась со скрипом, открывая крохотную кладовую. В стене чернел проем, ведущий в широкое круглое отверстие. Повеяло гнилью и нечистотами.

Обмотав лицо остатками рубашки, я начала спуск. Пологий туннель уходил глубоко под землю. Спустя полчаса, когда я попыталась перевести дух, камень под ногой раскрошился. Я рухнула вниз, отбивая бока о выступы, но боли почти не чувствовала – тело было словно под анестезией.

В нос ударил запах сточной канавы. С трудом выбравшись на поверхность, я повернулась. Особняк мерцал. Над крышей поднимались клубы дыма – огонь дожирал остатки «меценатов». Людей не было.

Я заставила себя встать и поковыляла к лесу.

Тропинка вилась через цветник. В нос ударил запах лилий – густой, терпкий, тошнотворный. Их было так много, что аромат казался осязаемым, липким. Сил держать повязку не осталось, и я вдыхала эту цветочную вонь вперемешку с гарью.

Я побрела через чащу, пошатываясь, как пьяная. Все тело горело: ссадины, глубокие порезы, ожоги. Левая рука мелко дрожала, а из груди вырывался свист – легкие были полны пепла.

Живот скрутило спазмом. Я даже не сразу поняла, что у меня внутреннее кровотечение, что кости треснуты, а тело работает на износ, высасывая последние резервы. Хотелось упасть и слиться с землей, но я шла. Подальше от удушливых лилий.

Миновав цветник, я наконец рухнула на мягкую лесную траву. Где-то вдали, на грани слуха, завывали пожарные си-

рены. Из глаз брызнули слезы. Мир качнулся, и я провалилась в беспамятство.

Глава 2. Азбука Морзе

Восьмой уровень. Сервитус.

Я резко вынырнула из забытья. В нос ударил приторный, душающий запах лилий. Тяжелый, как могильная плита. Как же я их ненавижу!

Вспышки памяти мелькали одна за другой. Это был не сон. Это – вырванная, стертая глава моей жизни на Земле.

Почему этот фрагмент восстановился именно здесь, на Сервитусе? Я пыталась зацепиться за реальность. Полет на Калдиум... Возвращение на Семиру... Астероид, вынужденная посадка... Ранение Идана... Вода... Похищение. А дальше – этот мир. Сервитус. Женщина, состригающая мои волосы в бараке, чтобы скрыть мою метку. Моя бабушка.

И рынок... Перед глазами снова возникла ухмылка правителя. Не ухмылка, а ровный штрих на лице, будто рта нет совсем, только темная щель... Тот самый «меценат» из подвала на Земле.

Холодный пот мгновенно пропитал одежду. Тело забило в непроизвольной дрожи, сердце набатом застучало в ушах, заглушая другие звуки. Воздуха стало катастрофически мало – я хватала его ртом, но легкие словно окаменели. Матрас под мной казался лужей ледяной воды.

«Дыши, Верей. Просто дыши», – шепнула я себе.

Закрыв глаза, я заставила себя сосредоточиться на дыхании. Медленно, через нос, наполняя живот. Задержка. Выдох через рот. Еще раз.

Сердечный ритм начал выравниваться. Чтобы окончательно заземлиться, я уставилась на пыльную лампу, болтавшуюся на шнуре под потолком.

Ритмичный вдох, ритмичный выдох.

Я поднялась с кровати. Помещение напоминало казарму: ряды двухъярусных коек, серое постельное белье. На мне был такой же бесформенный балахон – старый, но чистый. На прикроватном столике стоял кувшин.

Я жадно, в несколько глотков, осушила стакан воды.

В коридоре послышались шаги. Ко мне подошли две женщины в таких же серых робах. На их шеях тускло поблескивали ошейники.

– Проснулась? – спросила одна, оценивающе глядя на меня.

– Где я?

– На плантациях господина Флоса. Теперь ты его собственность. Он купил тебя вчера на рынке.

Мир будто захлопнул дверь прямо перед моим носом. Тишина в голове стала звенящей.

Собственность.

Это слово ударило наотмашь, лишая имени и воли. Меня продали, как вещь. Как садовый инвентарь.

К горлу подступил ком, но я сглотнула его. Нет. Я не вещь.

Я еще дышу. Значит – не конец.

– Он... он правитель? – я постаралась, чтобы голос не дрогнул.

– Нет, – женщина вздрогнула и опасливо оглянулась. – С чего ты взяла?

– На рынке я видела его у своей клетки.

– Понятно, – она пожала плечами. – Вчера на площади прогремел взрыв. Торговлю свернули, побоялись нового нападения. Все хозяева в спешке разъехались. Тебе повезло, что Флос успел закрыть сделку.

– Взрыв? – я нахмурилась.

– Да, последнее время они все чаще... – она осеклась, почувствовав, как вторая женщина наступила ей на ногу.

– Хватит болтать, – отрезала вторая. – Иди за мной. Поешь, а потом покажу работу. Хозяин велел пристроить тебя на кухню. Будешь помогать поварихе и разносить еду рабочим.

Кухня напоминала огромную беседку: с одной стороны – длинная столешница с грубыми раковинами и примитивной плитой, от которой несло гарью и пережаренным жиром. Посреди открытой столовой тянулись тяжелые деревянные столы и потертые скамьи.

Воздух был липким от испарений вареных овощей и дешевого масла. Где-то в углу потрескивал огонь – судя по едкому запаху, в дровах прятались тряпки или мусор. Жар от плиты разливался волнами, кожа на лице натянулась,

а капли пота у висков мгновенно пропитали платок.

Над ухом нудно жужжала муха. Где-то вдалеке с грохотом упала металлическая кастрюля. Я вздрогнула, рука сама собой прижалась к животу.

Пол был скользким, ботинки то и дело прилипали к камню. Напряжение в плечах не отпускало – тело помнило утренний кошмар и отказывалось расслабляться. В общий гул вплетался странный пряный аромат – какая-то местная специя, от которой подкатывала легкая тошнота. И все это под аккомпанемент мерного стука ножей и всплесков воды.

Угрюмая повариха стояла у котла. Рукава ее были закатаны по локти, фартук в бурых пятнах. Черные волосы скрыты платком. Заметив меня, она прищурила миндалевидные оливковые глаза и молча налила полную тарелку супа.

– Спасибо, – тихо произнесла я.

Похлебка выглядела жидкой, но была сытной. Быстро покончив с едой, я вымыла за собой посуду. Женщина кивнула и указала на разделочную доску и ведро грязного картофеля. Я сполоснула руки и взялась за нож.

Вскоре на кухню потянулись люди – тени в одинаковых серых балахонах с лицами, обмотанными пыльной тканью. Прежде чем сесть за стол, они подходили к умывальникам, молча развязывали повязки и умывались ледяной водой.

Шрамы, землистая кожа, выгоревшие глаза... Из-под тряпок проступали не лица, а призраки. Я сглотнула, чувствуя, как в животе завязывается тугий узел. Казалось, я смотрю

в зеркало своего будущего. Эта тишина, нарушаемая только плеском воды, была страшнее любого крика.

Мы с поварихой принялись разливать суп. Усталые рабочие один за другим забирали свои порции. Очередная тарелка, очередные протянутые руки... и вдруг я замерла.

На обветренном, дрожащем запястье девушки я увидела татуировку – тонкую алую стрелу. Сердце пропустило удар.

Лада.

Мир схлопнулся до этой метки. Она жива! Она здесь! Я едва сдержалась, чтобы не выпустить тарелку и не броситься ей на шею. Лада не подняла головы. словно случайно, она коснулась кончиком пальца губ: «Молчи».

Я незаметно кивнула. Внутри все дрожало от дикой смеси радости и ужаса. Столько времени прошло... Я уже не надеялась на встречу. А теперь она здесь – исхудавшая, изможденная, но живая.

Я заставила себя отступить и не смотреть в ее сторону.

Когда раздача закончилась, кухарка ушла ужинать, указав мне на гору грязных кастрюль. Вода была ледяной – в душной кухне это казалось спасением. Старая металлическая губка больно царапала кожу; пришлось обмотать ладонь тряпкой.

Среди звона ложек я вдруг уловила ритмичный звук. Лада пристально смотрела на меня. На ее груди тускло блеснул кулон с апатитом – такой же блокиратор, как и у меня. Затем она начала постукивать ложкой о дно тарелки.

На первом курсе нас учили звуковой азбуке. Мы тогда смеялись: зачем это нам? И вот – пригодилось.

Я прислушалась, ловя ритм.

– Веря, у тебя есть три дня. Беги в пустыню, пока нет ошейника.

Как ответить? Я приподняла железную губку и принялась с силой натирать чугунный казан, выбивая ответный ритм.

– Лада, что не так с ошейником?

– Он привязан к нейронам хозяина. Убивает одной мыслью. Пока он жив – живы мы. Он умрет – умрем и мы. Беги, пока время есть!

– А ты? Давай вместе!

– Я не могу! На мне ошейник!

После обеда вернулся надсмотрщик. Завидев его тень, Лада вместе с остальными молча поднялась и побрела в сторону плантаций. Я проводила ее взглядом, стараясь не выдать своего смятения.

Весь остаток дня я провела у плиты, помогая поварихе с ужином. Мы работали в тишине, нарушаемой лишь шипением кипящей воды. Ближе к вечеру за мной пришла та же женщина, что привела меня утром. Коротким жестом она велела следовать за ней.

Прачечная, как и столовая, располагалась под навесом. К моему облегчению, здесь стояли стиральные машины – древние, покрытые рыжими пятнами ржавчины, но все еще способные гудеть и вращать барабаны. Мне указали на три

переполненные корзины. Я опустилась на низкую скамью и принялась за сортировку.

Большинство вещей явно принадлежали обитателям хозяйского дома: плотная ткань, безупречные швы, едва уловимый аромат дорогого мыла, резко контрастирующий с общим запахом пота и пыли казарм. Я уже механически раскладывала одежду по кучам, пока не дошла до стопки белоснежного белья.

На одной из простыней темнели пятна. Я склонилась ниже. Кровь. Но что-то в ней было не так: странный оттенок, рваный рисунок брызг... Это не походило на след от пореза или женских дней. В этих пятнах читалось нечто пугающее, почти ритуальное.

Холодок пробежал по спине. Я быстро отложила простыню, стараясь скрыть дрожь в пальцах.

– Кроме господина Флоса, в доме есть хозяйка? – спросила я девушку, работавшую рядом.

– У нас только хозяин, – отрезала она. Ее голос был сухим и холодным, а взгляд – неподвижным. Она тут же отвернулась, давая понять, что разговор окончен.

Усвоив, что любопытство здесь может дорого обойтись, я замолчала и ушла в работу.

Поздним вечером меня отпустили в казарму. Выносливость подводила: я чувствовала себя совершенно опустошенной. Моральная усталость давила сильнее физической.

Если Лада права и ошейники действительно имеют ней-

ронную связь с мозгом хозяина, времени у меня почти нет. Теперь понятно, почему нет охраны и высоких стен. Ошейник – это идеальный конвоир, который всегда рядом. Побег кажется безумием: местоположение вычисляется за секунду, а хозяину достаточно одной мысли, чтобы остановить сердце раба на любом расстоянии.

«Значит, это моя последняя ночь, – подумала я, забираясь на жесткий матрас. – Завтра я должна уйти».

Я остановила мысли и сосредоточилась на дыхании, позволяя телу беречь силы. Тьма накрыла меня мгновенно.

***

Ранним утром меня разбудила возня. Высокий мужчина в серой робе нес на руках девочку лет двенадцати. По ее ногам стекала кровь, оставляя на полу темные пятна. Ребенок был без сознания.

Женщина с соседней койки торопливо откинула одеяло, взбивая подушку. Мужчина бережно уложил девочку.

– Были бы лекарства, может, и выходили бы, – вздохнула женщина, укрывая хрупкое тело.

– Ты же знаешь, после него мало кто выживает, – глухо отозвался мужчина. – Может, так и лучше. Смерть здесь – единственное спасение.

– Помнишь дочку поварихи? Совсем кроха была... Ума лишилась после всего. Через день живьем в печь залезла. А мать с горя на хозяина с ножом кинулась. Ей прямо на кух-

не язык и отрезали.

Когда они вышли, я тихо поднялась. Пальцы коснулись колье Лапсаи. Щелчок, и колье легло на матрас.

Внутри тут же вскипела энергия, требуя выхода. Я пошла к ребенку. Осторожно поправила золотистые кудри, слипшиеся от багровой крови. Растерла ладони, закрыла глаза и сосредоточилась.

Разрывы, обширное кровотечение внизу живота. Ублюдок. Несчастный ребенок...

Остановить кровь – секундное дело. Затянуть раны – не проблема. Но ее душа висела на тонкой, истонченной нити. Она не хотела возвращаться.

– Ну что же ты, сестренка... – шепнула я ей на ухо. – Ты не виновата, слышишь, что не смогла себя защитить. Это было всего лишь твоё тело. Да, ему причинили боль. Но если ты сейчас уйдешь за Грань – значит, тебя сломали. А ты попробуй выжить. Тяжело, я знаю... как это – склеивать себя по кускам... Выживи ради себя. Ради самой жизни. Уйти ты всегда успеешь.

Я погладила ее руку. И вдруг веки дрогнули. Девочка открыла глаза – такие пронзительно-васильковые, что они, казалось, светились в сумраке казармы. По щеке скатилась одинокая слеза. Она долго, не мигая, смотрела на меня, а потом провалилась в забытие.

Мои пальцы снова нащупали нить между телом и душой. Теперь она была натянута туго. Она решила остаться. Моя

внутренняя стена дала трещину – я вцепилась в ее ладонь, будто могла физически удержать ее в этом мире.

Что ж, поборемся...

Я принялась вливать энергию, блокируя сосуды. Раны поддавались легко, словно сама жизнь помогала мне. Через полчаса я закончила, вытирая тыльной стороной ладони обильный пот.

Внезапное чувство чужого взгляда заставило меня вздрогнуть. Я резко обернулась. В дверях стояла повариха. Она смотрела на меня пристально, не мигая. Увидев, что я ее заметила, она медленно отвернулась и ушла.

Мне ничего не оставалось, как снова надеть кольцо и лечь в постель, дожидаясь рассвета.

***

Звук гонга ворвался в казарму, вырывая из липкого сна. Люди с безжизненными лицами неохотно сползали с коек. Поварихи нигде не было. Либо она уже ушла к котлам, либо... Лучше не гадать. Накрутить себя я всегда успею.

Мельком глянув на спящую девочку, я облегченно выдохнула: на бледных щеках проступил легкий румянец. Она дышала глубоко и ровно, во сне подрагивая ладонями, как щенок.

Живая.

Воровато оглянувшись, я стянула наволочку с подушки, быстро запихнула ее под подол балахона и расправила по-

крывало: мешок для провизии готов.

Вскоре пришла «наставница».

– Поторапливайся, – бросила она. – Сегодня отправишься на плантации.

Это портило планы. На кухне я могла бы незаметно собрать запасы, а работа в поле вымотает меня до предела.

Завтрак был скудным: сухая хлебная лепешка и стакан водянистого козьего молока. Нас погрузили в открытый кузов грузовика.

Полчаса по ухабам – и мы у длинного здания, похожего на старый амбар. Надсмотрщик выстроил нас в шеренгу. Несколько человек, включая меня, он отобрал для работы внутри, остальным выдал ведра для сбора кукурузы.

Амбар оказался цехом первичной переработки. Мне предстояло вручную очищать початки от жестких листьев. То, что работать придется в тени и сидя, немного подняло настроение.

К полудню, когда сарай опустел и всех позвали на обед, – я поняла: это мой шанс. Озираясь, я зачерпнула из мешка несколько горстей муки, ссыпала в наволочку и припрятала «клад» за штабелем ящиков.

В столовой мне вручили кусок лаваша и миску постной рисовой похлебки. Свою лепешку я есть не стала – незаметно спрятала ее в складках фартука.

После обеда время словно застыло. Руки от соприкосновения с шершавыми, колючими листьями покрылись мелки-

ми волдырями. Кожа зудела, мозоли горели, и я едва дождалась конца смены.

На закате нас снова загнали в грузовик. Во время ужина в казарме мне удалось раздобыть еще одну лепешку. Если экономить, этого скудного запаса хватит дня на четыре.

Когда последние лучи солнца утонули за горизонтом, лагерь погрузился в тревожную тишину. Моя маленькая соседка все еще спала, но на столике у ее кровати стояла миска с недоеденной кашей. Значит, просыпалась. Значит, ела. Значит, зацепилась за этот мир.

Дождавшись, когда казарма наполнится тяжелым сопением спящих, я поднялась. Быстро сняла простыню и запихнула ее в наволочку к другим пожиткам, соорудив нечто вроде сумки-скатки.

Только я коснулась дверной ручки, как на плечо легла тяжелая ладонь. Сердце подпрыгнуло к самому горлу.

Я резко обернулась – передо мной стояла повариха. В полумраке ее глаза были похожи на два темных провала. Она молча протянула мне увесистый сверток. Внутри оказались хлеб, сыр, фляга с водой, спички и нож. Сверху лежал рулон кухонной фольги.

Я недоуменно взглянула на женщину. Она обняла себя руками, изображая дрожь, и кивнула на фольгу. «*Согреться?*» – пронеслось в голове. Я смотрела на этот сверток как на величайшее сокровище. На эту молчаливую, бесценную для меня помощь.

– Спасибо. Большое спасибо, – прошептала я и крепко обняла ее.

Она коротко похлопала меня по плечу и кивнула на дверь: «Иди». Благодарно кивнув, я юркнула в прохладу ночи.

На дворе царила мертвая тишина. Стараясь не дышать, я крадась вдоль теней к ограде. Страх неизвестности ледяными пальцами сжимал грудную клетку, но внутри, за ребрами, теплился крошечный огонек – надежда.

Забор оказался двухметровой сеткой из плотной проволоки. Я уже собиралась лезть вверх, когда заметила на металле еле уловимые синие искры. Крошечная мошка коснулась сетки и мгновенно вспыхнула, превратившись в пепел.

В воздухе повис отчетливый паленый запах. Путь был закрыт. Я пошла вдоль ограды, пока не наткнулась на участок, где сетка уходила прямо в песок. Безумная идея, но выбора не было.

Осторожно, стараясь не задеть гудящий металл, я принялась разгребать сухой грунт. Ладони дрожали. Одно неверное движение – и я превращусь в такую же искру.

Рыть пришлось быстро и глубоко. Когда лаз был готов, я, затаив дыхание, проползла под изгородью по-пластунски. Колени подкашивались, горло жгло от адреналина, но тока я не почувствовала.

Оказавшись на той стороне, я первым делом тщательно засыпала яму, пряча следы.

Казарма осталась позади – мрачный склеп, в котором я

едва не похоронила себя заживо. Впереди раскинулась ночь: глухая, звездная и пугающе безжизненная.

Пустыня.

Внутри все колотилось в безумном ритме, но я не обернулась. Назад пути нет. Впереди – только неизвестность и свобода, за которую я готова бороться.

Глава 3. Белое Солнце Пустыни

Раскаленные пески, успевшие впитать в себя ярость дня, волнами струились по бледно-желтым ложбинам. Бесконечная вереница барханов застыла в абсолютном безмолвии полдня. Казалось, я застряла в вечности, один на один с этой суровой, равнодушной пустотой.

Погони не было. То ли решили, что я не стою поисков и пустыня сама убьет меня, то ли искали не в том направлении. Но пока горизонт оставался чист.

Песчаные горы расстилались передо мной, точно волны застывшего океана. Палящее солнце безжалостно жалило даже сквозь плотную ткань балахона. В горле саднило, язык прилипал к небу. Приходилось заставлять себя делать лишь по одному крошечному глотку – запасы воды были конечны, а источники в этом аду не предусмотрены.

Взобравшись на гребень очередного бархана, я зажмурилась, а когда открыла глаза, едва не потеряла равновесие от нахлынувшей радости: на горизонте замаячил горный массив. Дрожь облегчения пронеслась по телу – словно кто-то невидимый протянул руку помощи среди раскаленного марева.

С западной стороны виднелось ущелье с навесными, почти неприступными склонами. Спотыкаясь и проваливаясь в песок, я из последних сил поспешила туда, прочь от колю-

чих, выжигающих глаза лучей.

Каждый шаг давался с трудом – ноги подкашивались, картинка перед глазами плыла.

Наконец, нырнув в спасительную тень, я обессиленно рухнула на колени и прижалась лбом к камню. Холодная поверхность скалы ощущалась как величайшее благо. Живительная прохлада медленно, дюйм за дюймом, возвращала меня к жизни.

Но стоило телу расслабиться, как силы ушли мгновенно – будто они держались на одном лишь чистом упрямстве. Ноги подогнулись окончательно, и я сползла на песок. Здесь он был остывшим, серым, ласковым.

Несколько минут я лежала неподвижно, вслушиваясь в свое дыхание. Мир вокруг казался нереальным, словно нарисованным на старом холсте.

Я вынула одну из лепешек и прожевала ее почти механически. Вкуса не было – только сухая мука на языке. Есть не хотелось, хотелось одного: исчезнуть, выключить сознание.

Когда веки начали наливаться свинцом, я не стала сопротивляться. Просто свернулась калачиком в тени древних камней и провалилась в тяжелый, липкий сон, такой же безбрежный и глубокий, как сама пустыня.

***

Я проснулась от озноба. Сердце колотилось учащенно, словно выталкивая меня из липкого кошмара. Тьма в ущелье казалась осязаемой и тяжелой.

Глаза постепенно привыкли к сумраку. По ощущениям, температура упала почти до нуля, хотя был только вечер. Пустыня умела быть не только печью, но и ледником. Я поняла: оставаться на месте нельзя. Двигаться нужно ночью – так я избавлюсь от изнурительной жажды и согреюсь в пути.

Кожа на руках горела – единственное место, которое я вчера забыла укрыть. Стоило солнцу коснуться горизонта, как я торопливо замотала лицо и шею остатками простыни, превратившись в безмолвную тень.

Скромный завтрак: лепешка и глоток теплой воды. Горло болезненно сжалось, требуя еще, но я заставила себя закрыть крышку фляги. Только по чуть-чуть.

Путь ощущался бесконечным. Я шла, не позволяя себе думать о расстоянии, превратившись в метроном: шаг, вдох, шаг, выдох. Поднявшись на скалистый уступ, я на миг замерла. Ледяной ветер тронул разгоряченные щеки, принося временное облегчение.

Вокруг царило абсолютное безмолвие. В этой вечности я была лишь случайной песчинкой. Над горизонтом взошел спутник Сервитуса, разливая по небу стальное сияние с розовыми прожилками. Я невольно засмотрелась на это неземное сияние. Оно выглядело слишком прекрасным для мира, пропитанного пылью и болью.

Всю ночь я преодолевала одну грядку за другой. Коралловые барханы под лунным блеском отбрасывали длинные серебристые тени. Ноги двигались на автомате, тело онемело.

Когда первые лучи прорезали небо, я прищурилась, вглядываясь в дрожащее марево рассвета. Линия песков вдру дрогнула, и вдали проступило темно-зеленое пятно. Я моргнула, боясь, что это мираж.

Оазис?

На глаза навернулись слезы. Изумрудный клочок земли походил на иллюзию, но надежда погнала меня вперед быстрее любого страха.

Зеленое пятно оказалось крошечным раем вокруг бирюзового озера. Такие островки рождаются там, где подземные жилы прорываются на поверхность, а значит, вода должна быть пресной.

Ледяная влага ласково лизнула мои ступни. Не раздумывая, я скинула робу, быстро прополоскала ее в стороне и с головой окунулась в живительную стужу. Холод сковал грудь, перехватило дыхание, но через секунду пришло невероятное облегчение. Пустыня вымывалась из меня вместе с грязью, солью и страхом. Я замерла, позволяя озеру забрать мою память о рабстве.

Когда одежда подсохла на жарком камне, я осмотрела рощу. Пальмовые ветви, точно тяжелые балдахины, укрывали берег от солнца. Пробираясь сквозь заросли, я наткнулась на кактус чолла. Ярко-желтые, пушистые плоды манили соч-

ностью.

Я осторожно срезала один, очистила бумажную кожицу и откусила кусочек. Блаженство. На вкус он напоминал клубнику с легкой цитрусовой кислинкой.

Лепешки кончились, но у меня оставались хлеб, сыр и кукурузная мука. Захотелось приготовить что-то горячее. Настоящее.

Собрав сухие ветки, я развела небольшой костер. Из фольги свернула глубокую чашу, насыпала муки, добавила мякоть чоллы и немного воды. Получилась густая, ароматная каша. Когда она закипела, я убрала импровизированную посуду остывать. Затем наполнила флягу и отправила ее прямо в угли. Воду пришлось кипятить – инфекция в пустыне страшнее солнца. Пусть лучше руки будут в саже, чем тело сгорит от лихорадки.

Приятная тяжесть в животе и треск костра убаюкивали. Впервые я чувствовала себя в безопасности, будто пустыня разжала свои когти. Казалось, никуда больше не нужно бежать.

Я долго смотрела в огонь, ища ответы. Сколько еще шагов? Сколько ночей? Пустыня молчала. Усталость заполняла меня, как вода сосуд – медленно и до краев.

Соорудив гамак из простыни и привязав концы к пальмам, я обессиленно рухнула в него. Тело провалилось в мягкую ткань.

Я закрыла глаза, позволяя себе просто быть. Без мыслей.

Без прошлого.

***

Прошли недели с момента моего побега. Мне уже казалось, что я целую вечность пробираюсь сквозь бескрайнюю пустоту, которая теперь ощущалась необъятной. Днем я пряталась в скалистых ущельях, забивалась под камни или, если везло, укрывалась в редких оазисах.

Я не знала точно, где нахожусь и куда иду, но единственная мысль давала силы: я все еще жива.

За эту неделю я вызубрила три заповеди выживания: еда, вода и тень. И вот, запасы подошли к концу: каждый мой день превращался в охоту за пропитанием.

Добравшись до очередного привала, я с облегчением опустилась на валун. Ноги ныли, в желудке урчало, а в голове гудел невидимый рой рассерженных ос. Тело протестовало против любого движения, но я заставляла его подчиняться. Я по-прежнему была одна – наедине со своей жаждой, страхом и упрямством.

Оглядевшись, я заметила среди камней высокие кусты с белыми цветками. На их стеблях покачивались темные сплюснутые коробочки. От радости я чуть не подпрыгнула: семена чиа!

Поспешно набрав охапку веток, я расстелила на песке простыню и принялась яростно трясти их. Маленькие зер-

нышки с тихим, сухим шелестом посыпались на ткань. Впервые за долгое время я почувствовала укол радости. Если залить их кипятком, получится густая слизистая каша. Совсем невкусно, зато сытно.

Завтрак был быстрым. Солнце еще не вошло в зенит, и у меня оставался короткий зазор времени, прежде чем небо снова превратится в раскаленный свинец.

Я наскоро собрала еще семян про запас, но мысли были не о еде. Вода. Вот что по-настоящему пугало.

Местность вокруг стала безнадежно сухой. Ни следа дождя, ни капли случайной влаги. Даже под валунами земля была горячей и пыльной.

Мне нужен был любой знак: клочок мха, следы животных, птиц на горизонте – но пустыня была нема. За прошлую ночь мне удалось собрать лишь несколько капель росы с листьев, но этого едва хватило, чтобы смочить пересохший язык.

Фляга была пуста. Тревога внутри шептала все громче: «Долго не протянешь».

Впереди показалось глубокое ущелье со ступенчатыми склонами – настоящий каньон. «Там должен быть источник», – подбодрила я себя.

Спустя несколько часов, несмотря на относительную прохладу каньона, я окончательно выдохлась. Голова кружилась, каждый шаг ощущался как личный подвиг. Тело сдавалось раньше разума.

Рухнув под массивный выступ скалы, я обессиленно вы-

тянула ноги. Стена здесь была прохладной, а на внутренней стороне я почувствовала еле уловимую сырость.

Острым камнем я вырыла ямку глубиной по локоть. Дно было влажным! Обрадовавшись, я расширила лунку и закрыла глаза, решив вздремнуть, пока вода не просочится сквозь песок.

Проснулась я от того, что горло окончательно пересохло. Жажда была такой острой, что я едва удержалась, чтобы не припасть к лунке сразу. Вода набралась – мутная, серая, но настоящая. Ополоснув лицо, я невольно заскулила от желания выпить все до капли, но заставила себя остановиться.

Пришлось разводить костер и снова ставить флягу в огонь.

Когда вода немного остыла, я сделала первый глоток. Язык обожгло, но я не отстранилась. Горло жадно принимало влагу, в меня будто вливалась сама жизнь. С каждым глотком паника отступала. Тело вспоминало, как возвращается дыхание.

Фляга быстро опустела. Я прижала холодный металл к груди, пытаясь выжать еще хоть каплю. Тяжело вздохнув, я снова принялась за огонь. Нужно кипятить еще. Без запаса воды в пустыне я – как без кожи.

Сунув флягу под камень, я вдруг вскрикнула от резкой, жгучей боли и отдернула руку. На тыльной стороне ладони багровели две аккуратные точки. В сторону высохшего русла, сливаясь с камнями, лениво отползала бурая змея с от-

четливым темным зигзагом на спине.

– Ядовитая дрянь... – выдохнула я.

Сердце провалилось в бездну. В голове лихорадочно заматались обрывки знаний: не паниковать, не двигаться. Пульс – это транспорт для яда. Чем быстрее он бьется, тем меньше у меня шансов.

Я заставила себя дышать: глубоко, ровно, обманывая собственное тело.

Может, она не успела впрыснуть яд? Может, укус «сухой»?

Крепко прижав к ране лоскут ткани, я начала отсчет. Руки дрожали, а внутри разрастался липкий, неизбежный страх – такой же беспощадный, как зной над головой.

Через несколько минут мир качнулся. Подступила тошнота. Лоб покрылся холодной испариной, в ушах завыл ветер, а голову сдавило железными тисками.

Тело то сгорало в лихорадке, то заходило в ознобе. Я выплывала из забытья лишь на мгновения. Скрип ветра, шорох чешуи или просто стук крови в висках? Звуки стали глухими, как под толщей воды, а цвета – болезненно яркими, режущими глаза.

И вдруг над самым ухом хлестнул голос:

– Вставай!

Я рванулась и распахнула глаза. Передо мной стоял он. Низкорослый, обрюзгший, с той самой жуткой безгубой щелью вместо рта.

Правитель.

Тело онемело. Невидимые прутья сковали руки и ноги. Оцепенение было таким полным, что я не могла вымолвить ни слова.

– Ты что, оглохла? – взревел он. Голос пронзил мозг, как ржавый гвоздь.

Мужчина шагнул ближе, сгреб меня за ворот и резко встряхнул. В груди что-то хрустнуло. Все тело накрыло волной жара, вырываясь хриплым кашлем. Его взгляд был пустым, как у мертвой рыбы, но в самой глубине зрачков плясало холодное пламя.

В следующую секунду земля ушла из-под ног.

Боль исчезла. Страх стал чем-то далеким, чужим, словно я смотрела кино о постороннем человеке.

Где я?

Я почувствовала, что парю. Это было обволакивающее, абсолютное чувство легкости. Будто всю жизнь я тащила на плечах тяжелые цепи и только сейчас их сбросили. Я впервые дышала по-настоящему.

– Веря! Вернись!

Я оглянулась, пытаюсь найти источник знакомого голоса.

– Не уходи, прошу тебя! – Голос звучал совсем рядом, в нем дрожала мольба.

Передо мной стоял Идан. Его силуэт переливался серебристым сиянием, словно сотканный из звездной пыли. Он попытался обнять меня, но его руки прошли сквозь мое све-

тящееся тело, не встретив сопротивления.

– Что это? – я изумленно осмотрела свои полупрозрачные ладони.

– Не уходи за грань... – Идан кивнул вниз.

Там, на растрескавшейся сухой земле, возле серого камня, лежало неподвижное, человеческое тело. Мое тело. Оно казалось таким крошечным и ненужным сверху.

Я понимала, что должна вернуться в ту оболочку, полную боли и жажды. Но здесь, в прохладном воздухе, было так легко. Свобода манила, обещая конец всем страданиям.

– Идан... я люблю тебя, – прошептала я, и мой голос дрогнул. – Но я не хочу возвращаться. Прости. Мне страшно. Я так устала...

Я опустила глаза, чувствуя, как внутри разливается свинцовая тяжесть бессилия.

– Веря, – тихо произнес он, – я знаю, как тебе тяжело. Я чувствую каждый твой страх. Но умоляю: вернись. Ты сильнее, чем думаешь.

Его слова стали якорем, удерживающим меня над пропастью. Но сердце все равно рвалось туда, где звенела тишина и не было боли.

– Я больше не хочу быть сильной, Идан! У меня нет сил на эту вечную борьбу. Карабкаться, дрожать, терпеть... Слышишь этот звон? Тысячи колокольчиков поют там, за Гранью. Там так хорошо.

– Если ты уйдешь сейчас, твой «последний узел» уйдет

вместе с тобой. Тебе придется преодолевать этот страх снова и снова, воплощение за воплощением. Ты же Привязанная, ты знаешь правила игры. Ты хочешь повторить этот круг?

– Нет, – опустошенно выдохнула я.

– Смотри! – Идан указал на бархатное небо, где пульсировали две серебристые искорки.

– Что это?

– Наши дети, Верейя.

– Как... Я?

– Нет, – он мягко улыбнулся. – Но они уже есть в нашем поле. Они ждут своего часа. Своего воплощения.

Я всмотрелась в эти крошечные огни. Мне показалось, что они синхронно вздохнули, все внутри сжалось от невыносимой нежности. Я не смогла удержать улыбку. Идан смотрел на меня, и его взгляд наполнял меня ласковым светом.

– Пора! – вдалеке возник расплывчатый силуэт: человек в квадратных очках и серебристом костюме.

– Мне пора, – грустно произнес Идан. – Не сдавайся. Потерпи еще немного. Я люблю тебя и обязательно найду. Верись?

– Да! Я верю тебе!

Пространство колыхнулось.

Я резко полетела вниз, но перед тем, как тьма поглотила меня, увидела вспышку: изумрудные сады Островов Семиры, янтарный закат над нашим домом. Идан обнимает меня, поправляя плед на наших малышах. Трещат поленья в ками-

не, пахнет кофе и хвоей. Как безмятежность. Как обещание.

Резкий хлопок по щеке.

Все внутри взорвалось болью и пылью. Я судорожно глотнула воздух, захлебываясь кашлем.

– Жива? – раздался над головой незнакомый, грубый голос.

– Вроде пульс есть, – ответил другой. – А я уже думал – все, не дышит.

– Странно. В лагерь ее?

– Ну не здесь же бросать, раз живая. Посмотри, ошейника нет. Совсем свежая. Беглянка, что ли?

– От ближайшего поселения сотня километров по пустыне. Это нереально. А если она из тех...

– Да брось! Посмотри на нее, она еле дышит.

Чужие холодные руки подхватили меня, закидывая на плечо. Тело стало ватным, мир закрутился в безумном водовороте. Тьма снова потянулась ко мне, поглощая остатки света. Я провалилась в бездну забвения, унося с собой лишь мерцание двух серебристых искр. Белое солнце пустыни погасло.

Глава 4. Лагерь Теней

Сознание возвращалось медленно, как ленивый прилив, постепенно очерчивая границы тела и разума. Сны больше не сменяли друг друга с безумной скоростью, а просто таяли, как пар над водой. Но в голове все еще гудело, а где-то поблизости скрежетало – раздражающе, металлически.

Я с трудом разлепила веки. Над головой, подрагивая, висела тусклая желтая лампа. На мгновение мне показалось, что я снова в бараке Флоса. Сердце испуганно екнуло, холодная волна паники подступила к горлу. Я почти вскрикнула, но вовремя прикусила губу.

Попытка привстать закончилась провалом: мир крутанулся, к горлу подкатила тошнота, и я снова рухнула на подушку. Пошевелив рукой, я заметила тонкую трубку самодельной капельницы, примотанную к вене. Другая ладонь была обернута чистой, застиранной марлей.

Меня лечили? Нет, это точно не Флос... Но тогда кто?

Поежившись от сквозняка, я натянула одеяло до подбородка и осмотрелась. Помещение напоминало глубокий грот. Я лежала на каменном выступе, поверх которого был брошен самодельный матрас, набитый сухой, душистой травой.

В глубине пещеры слышались шаги – твердые и размеренные. Я не стала притворяться спящей и, преодолевая сла-

бость, приняла сидячее положение.

– О, вы пришли в себя, – раздался спокойный голос у входа.

Я вздрогнула, вжавшись в каменную стену. В грот вошел мужчина. На нем был выцветший серый балахон, из-под засученных рукавов виднелись жилистые руки, покрытые старыми следами ожогов. Волосы, собранные в тугий пучок, серебрились на висках, а лицо было изрезано морщинами – не от старости, а от бесконечной усталости.

Он мог бы сойти за шестидесятилетнего старика, если бы не походка: прямая спина и цепкий, абсолютно ясный взгляд.

– Хорошая новость, – повторил он, сбавляя тон. – Вы долго были без сознания.

Я напряглась. Голос незнакомца звучал мягко, но в нем чувствовалась сталь.

– Кто вы? – спросила я, до белизны в костяшках сжимая края одеяла.

– Вы в безопасности. Наши люди нашли вас в каньоне, в паре миль отсюда. Вас укусила змея. К счастью, яда было немного, да и подоспели мы вовремя. Меня зовут Эд. Я – Целитель.

– Вы... Озаренный?

– А разве это не очевидно? Я ведь не представился врачом, – он едва заметно усмехнулся. – Кто вы и как оказались в самом сердце пустыни?

– Меня зовут Верeya. Несколько недель назад меня похитили и продали на цветочную плантацию Флоса. Мне удалось сбежать раньше, чем на меня надели ошейник.

При одном упоминании об ошейнике по позвоночнику пробежала дрожь. Эд внимательно слушал, не перебивая.

– И как вам удалось не только уйти с плантаций, но и пересечь пустыню в одиночку?

– Плантации почти не охраняются, – я пожала плечами. – Хозяин слишком полагается на ошейник и ток в заборе. Я нашла участок с глубоким песком и сделала подкоп. А дальше... я просто шла по пустыне вслепую.

Эд подошел ближе, рассматривая меня так, словно видел насквозь.

– У вас слишком быстрая регенерация для обычного человека, Верeya. Скажите прямо: вы тоже Озаренная?

– Я? – я замялась, выигрывая секунды. Лгать целителю было глупо, но страх перед миром Сервитуса еще не отпустил.

– Верeya, – мягко прервал он мои раздумья, – я знаю, что вы Озаренная с фиолетовой меткой. Я осматривал вас, пока вы были без сознания. Скажите лучше, где вы достали кольцо?

– Мне дала его одна рабыня...

– Это бесценный дар. Он спас вам жизнь – блокировка силы помешала яду разнестись по каналам мгновенно. Вам очень повезло.

– Мастер Эд... Где мы? – я решила перехватить инициа-

тиву.

– Наш лагерь – это тени Сервитуса. Беглецы, скрывающиеся от Отступников. Здесь только те, кто успел сорваться с цепи до того, как защелкнулся замок, и те, кого нам удалось вырвать из рук Наемников. Добро пожаловать в Сопротивление.

– А сбежать в ошейниках? – тихо спросила я, хотя уже знала ответ.

– Это невозможно, – печально произнес мастер Эд, и в его голосе прозвучала горечь. – Ошейник связан с нейронной системой хозяина. Он может отслеживать каждый шаг раба и в любую секунду оборвать жизнь только одной мыслью. Хуже того: если погибает хозяин, нейронный импульс мгновенно убивает всех его рабов. Смерть владельца – это приговор для его имущества.

Я невольно сглотнула. Значит, Лада была права, когда избегала лишних разговоров. Если бы я не сбежала в ту ночь, у меня бы другого шанса не было.

От этой мысли по спине пробежал ледяной холод.

– И совсем ничего нельзя сделать?

– Пока нет, – Эд пожал плечами и внимательно посмотрел мне в глаза. – И еще, я должен спросить ради нашей общей безопасности: вы использовали силу в пустыне? Снимали колье?

– Нет! – отрезала я. – Побоялась. Я подозревала, что Отступники могут фиксировать всплески энергии.

– Мудрое решение. Здесь, в этой части пещеры, вы можете иногда снимать кулон. Мы установили блокирующие экраны, они гасят фон.

– Было бы неплохо, – я выдохнула с облегчением. – А то я уже чувствую, что превращаюсь в переполненную электростанцию. Того и гляди искры из ушей полетят.

Мастер Эд улыбнулся – впервые по-настоящему тепло – и, проверив капельницу, отметил что-то в блокноте.

– Поправляйтесь, Верейя. Ваш организм все еще не восстановился. Позже мы поговорим более детально.

Когда целитель ушел, я откинулась на подушку. Значит, лагерь повстанцев – это не легенда. И тот взрыв на площади, вероятно, их рук дело. Получается, они уже дважды спасли мне жизнь. Слово «безопасность» внезапно обрело для меня новый, глубокий смысл. Это больше не была просто пустота вокруг – это были люди, готовые сражаться.

Вскоре пришла женщина и принесла глиняную миску с густой похлебкой. Поблагодарив ее, я, наступив на горло тошноте, принялась за еду: коренья, разбухшие семена чиа и волокна мяса, о происхождении которого в условиях пустыни лучше было не гадать. Нужно набираться сил.

Когда миска опустела, дурнота наконец отступила, сменившись приятной тяжестью. Сон навалился мгновенно, теплый и безбрежный. Я свернулась калачиком, укуталась в одеяло и провалилась в темноту – впервые за долгое время без страха проснуться от удара гонга.

***

Желтая лампа болталась под сводом, раздражая нервы: слишком ярко для пещеры и слишком тускло для разума. Размяв затекшие конечности, я осторожно спустила ноги на каменную плиту. Слабость еще путалась в коленях, но голова была ясной.

Вдали, за изгибом коридора, слышались приглушенные голоса. Пора было познакомиться с моими спасителями поближе.

Лагерь оказался хитроумной сетью гротов, соединенных узкими проходами. В одном из залов я замерла: под сводом скрывалось крохотное подземное озеро. Свет от вмонтированных в стены кристаллов дробился на поверхности, рисуя на камнях зыбкую бирюзовую рябь.

У самой кромки воды стояла женщина. Она стирала одежду, мерно полоща ткань. Услышав мои шаги, она обернулась. Ее лицо было загорелым и суровым, а руки – крепкими, с кожей, иссушенной щелоком и работой. Женщина молча кивнула в сторону пологого спуска, где камни обросли мягким изумрудным мхом.

Я молча поблагодарила ее взглядом. Спешно ополоснувшись, я старалась не вспоминать, сколько дней на мне коркой лежала пыль Сервитуса. Когда я вышла на берег, женщина, так и не проронив ни слова, протянула мне стопку одежды.

Вещи были старыми, с заплатками, но чистыми. Они пахли сухими травами и дымом костра – запахами нормальной, человеческой жизни. Я взяла их с осторожностью, как драгоценный дар.

– Спасибо, – прошептала я.

Женщина лишь снова кивнула и вернулась к стирке. Вместе мы молча развесили белье на веревке, натянутой между выступами скал. В этом молчании было больше поддержки, чем в любых расспросах.

На обратном пути в проходе меня перехватил мастер Эд.

– Веряя! – воскликнул он с искренней радостью. – Уже на ногах? И капельницу сама сняла?

– Да, мастер. Не хотела вас тревожить.

Он прищурился, оценивая мою походку и цвет лица.

– Так ты, выходит, Целитель?

– Нет, – я покачала головой. – Я – Хранитель. Но я брала расширенный курс целительства. Если нужно, я готова помочь.

Эд одобрительно хмыкнул, но ответить не успел. Из глубины тоннеля донесся нарастающий гул – так звучит тяжелый транспорт в закрытом пространстве. За ним последовали отрывистые команды и шум множества голосов. Взгляд мастера мгновенно стал колючим и резким.

– Вернулись, – бросил он, уже разворачиваясь к выходу. – Пойдем! Мне одному не справиться.

– Что случилось? – я едва поспевала за ним, на ходу заты-

гивая пояс платья.

– Наши группы периодически делают вылазки к столице. Нападают на конвои с «живым товаром», которых везут на невольничьи рынки. Иногда везет, иногда... не очень.

Мы выбежали на просторную площадку перед входом в пещеры. Мятежники уже всю разгружали запыленные грузовики. Помощь требовалась всем: кого-то просто нужно было поддержать за плечо, других выносили на носилках. Паники не было – только слаженная, привычная работа людей, для которых война не отличалась от будней.

– А это что? – Эд указал на тяжелые ящики, которые бойцы с трудом стаскивали из кузова.

– Понятия не имеем, мастер, – отозвался один из мятежников, вытирая пот со лба. – В обозе с людьми было, прихватили на всякий случай вместе с машиной. Вскрыть?

– Хорошо бы, – кивнул Целитель.

Мужчина достал нож, ловко поддел нехитрый замок и вопросительно посмотрел на Эда. Крышка со скрипом поддавалась.

– Так это же... – мастер Эд развел руками, и его голос сорвался от волнения. – Всевышний... Вот это трофей! Это же капсулы!

Он осторожно провел ладонью по матовой сенсорной панели, словно боясь, что техника рассыплется прахом, окажется лишь миражом.

– Капсулы? – не понял повстанец, вскрывший ящик.

– Это медицинские реабилитационные аппараты. Технология обновления и глубокого восстановления тканей. Достаточно погрузить туда даже безнадежного раненого, и через пару суток он выйдет на своих ногах! – Эд чуть ли не сиял.

– Это ведь технологии Озаренных... – я подошла ближе, разглядывая знакомую гравировку на корпусе. – Откуда они у работорговцев?

– Хороший вопрос, Верeya. Скорее всего, разграбили одну из брошенных Обителей. Нам невероятно повезло. Если с едой мы еще как-то перебиваемся, то с лекарствами в пустыне – беда. Верeya, прошу, помоги с ранеными! Нужно распределить их по степени тяжести.

Мне не нужно было повторять дважды. Я бросилась в перевязочную.

Женщины с тазами и чистыми бинтами уже ждали. Мы действовали быстро и слаженно, почти без слов. Я старалась не смотреть раненым в глаза – боялась, что они увидят дрожь в моих руках.

Пока я бинтовала порез на чьем-то плече, все внутри сжалось в тугую узел. Я заставила себя выдохнуть и подняться.

В центральном гроте кипела жизнь. Пять капсул уже смонтировали и подключили к солнечным генераторам – благо, энергии светила на Сервитусе было в избытке. Тяжелораненых осторожно укладывали в розовую жидкость.

– Как ты, Найден? – Мастер Эд наклонился к мужчине,

сидевшему на краю одной из установок.

Услышав знакомое имя, я замерла. Мир вокруг на мгновение потерял звук.

– Нормально... вырубил просто, – прохрипел мужчина, пытаясь обрести равновесие.

– Посиди еще час, придешь в себя. Нам повезло, Найден. Десять новых капсул в упаковке! Это чудо, дружище.

Я медленно, словно во сне, подошла ближе. Всмотрелась в лицо: кофейные глаза с желтыми искрами-бусинками, глубокие борозды на лбу, медные пряди волос, тронутые густой серебристой сединой.

Грудь сдавило невидимыми тисками. Это лицо не смогли выжечь из моей памяти ни годы, ни страдания. Сердце забилось так сильно, что, казалось, его стук слышен всем в пещере.

Это он. Мой отец. Жив. Среди колючих песков и рабства он сумел выжить.

Я стояла, не в силах пошевелиться. Тысячи дней ожидания и похороненных надежд схлопнулись в одну точку. Человек, которого я оплакала в своей душе, дышал прямо передо мной.

– Кто вы? – неожиданно спросил он, заметив мой пристальный, лихорадочный взгляд.

– Ты меня не узнаешь? – голос мой сорвался, слезы предательски обожгли веки.

– Нет... Мы встречались раньше?

– Папа... Я – Веря. Твоя дочь.

Глава 5. Между Мирами

Когда я вошла в грот, отец уже почти оправился. Он сидел на низком топчане между охапками сухой травы, облокотившись о шершавый выступ скалы. В руках он сжимал глиняную кружку. Запах чая из пажитника – терпкий, с нотками клена и ореха – смешивался с прохладной сыростью пещеры, создавая странный уют.

– Веря, заходи. Будешь кофе?

– Да, пап.

Я присела на колченогий табурет напротив него. Пряный напиток с полынной горечью обжег язык. В нем не было привычной ванильной мягкости, которую я любила дома, но этот первый глоток на свободе казался вкуснее любого изысканного десерта.

– Прости меня, дочь, – произнес он, не поднимая глаз.

– За что?

– За то, что не смог вернуться... – голос отца надломился.

Он отвел взгляд, пальцы побелели от напряжения, сжимая кружку.

На миг он словно съежился. Плечи поникли, и в глазах проступила та же невыносимая боль, которую я мельком видела в детстве, когда он думал, что я сплю. Между нами повисла тишина, тяжелая и гулкая, как своды этого каньона.

– Это не зависело от тебя, – тихо возразила я, пытаюсь

унять дрожь в голосе.

Отец медленно поднял голову.

– Как вы там? Как Злата? Как... мама?

Я замялась, судорожно соображая, как подать правду, чтобы не разрушить его окончательно.

– Прошло слишком много времени, отец... У мамы обнаружилась желтая метка. Она стала известной актрисой и... снова вышла замуж. У нее все хорошо.

Лицо отца словно окаменело. Взгляд застыл, устремившись в пустоту. Он сделал глубокий, хриплый вдох и выдохнул почти бесшумно, сдерживая рвущийся наружу стон.

– Да... ну что же, – наконец выдавил он, пытаясь изобразить подобие улыбки, но губы лишь болезненно дрогнули. – Я все понимаю. Столько зим пролетело...

Он грустно посмотрел на свои мозолистые, иссеченные шрамами ладони, будто надеялся, что ими еще можно удержать осколки прошлого. Но пальцы оставались пустыми.

– А Злата учится на Целителя в Обители Орбис, – поспешила добавить я. – После гонений на Озаренных нам пришлось уйти в тень. Теперь мы живем в другом мире.

– Да, я знаю, – он приободрился, в глазах мелькнула гордость. – Нам удалось перехватить один из обозов с Семиры, люди рассказали последние новости. Веряя... я так горжусь тобой! Ты стала Хранителем!

Я крепче сжала кружку. Услышать это от него сейчас, спустя десятилетие тишины, было почти невыносимо.

– Да, пап. Но я только успела закончить обучение, как попала в лапы наемников.

– Мне жаль, что меня не было рядом, – он накрыл мою руку своей. Ладонь была горячей и сухой. – Я ни на день не забывал о вас. Нас подставили, Верeya. Мы с мастером Эдом и другими Озаренными из секретного отдела прибыли на Сервитус, чтобы расследовать массовые исчезновения людей. Мы тогда ничего не знали о технологии ошейников. Нам чудом удалось бежать до того, как на нас надели эти «петли». Иначе мы бы никогда не встретились.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри медленно развязывается тугой, застарелый узел. Обида, тоска, чувство заброшенности – все это таяло. Он не бросал нас. Он не проиграл. Он просто вел свою войну на другом фронте.

Отец отвел взгляд, словно снова переживая тот момент, когда реальность разделила нас на «до» и «после». Я накрыла его тяжелую ладонь своей.

– Все позади, папа. Теперь мы вместе.

***

Лагерь жил своей суровой, но упорядоченной жизнью: звон металла, запах костра и трав, далекий детский смех. Эти люди не просто выживали – они строили дом в недрах скал.

Я нашла отца на кухне. Он сосредоточенно чинил ка-

кой-то прибор. Я тихо присела рядом.

– Пап, я все хотела спросить... Как вы здесь оказались?

– Мы долго скитались по пескам, пока не нашли этот каньон, – отец отложил деталь. – Пробовали искать порталы, чтобы вернуться домой, но тщетно.

– А сколько их здесь?

– Нам известно о двух. Один недалеко от города, через него привозят рабов. Второй – во дворце Правителя. Им пользуется элита Конфедерации, те, кто прилетает сюда за развлечениями. Вернуться через них легально – нереально.

– А сам Правитель? Откуда он взялся?

– Никто не знает. Он появился пару десятилетий назад, и с тех пор Сервитус закрылся для внешнего мира.

Я глубоко вздохнула. Пора было выплеснуть то, что жгло меня изнутри годами.

– У меня есть предположения на этот счет. Пап... ты знал, что я Озаренная с фиолетовой меткой?

– Знал, – спокойно ответил он. – И у тебя, и у Златы есть метки. Я скрывал это, чтобы вас не внесли в базы. Сам я тоже Озаренный. Но при чем здесь Правитель?

– Дело не только в метке. Я – Привязанная.

Отец замер. Линии морщин на его лице стали глубже. – Привязанная?

– Я помню все, отец. Всю свою прошлую жизнь на другом уровне. Я осознанно живу второй раз в той же семье. Я

помню твое лицо, когда я была еще в утробе матери. Помню Злату младенцем. Я родилась с этой памятью.

Отец ошарашенно приподнялся.

– Почему ты молчала? Столько лет носила это в себе? С какого ты уровня, дочь?

– С седьмого. Уровень – Земля. Но это не все... В той жизни, в свои двадцать лет, я попала в руки садиста. Он проводил жуткие ритуалы. Когда я увидела, что они собираются сделать с ребенком, у меня случился выброс силы. Землетрясение похоронило всех под завалами. Я думала, что он погиб.

– Всевышний... – прошептал отец, закрывая лицо ладонью. – Веря...

– Мой мозг заблокировал эти воспоминания. Я все забыла... до того дня на невольничьем рынке. Когда я увидела лицо Правителя Сервитуса, плотина рухнула. Это он, отец. Тот самый человек. Он выжил, и теперь он правит этой планетой.

Отец подошел и ласково погладил меня по волосам. Этот знакомый с детства жест окончательно сломил мою защиту. Слезы хлынули из глаз, я закрыла лицо руками, и он крепко обнял меня за плечи.

– Я рядом, Веря, – хрипло выговорил он. – Больше ты не одна.

***

С тех пор как я появилась в лагере, прошла неделя. Операции в город отложили: Соппротивление затаилось, накапливая силы. Среди спасенных из последнего конвоя оказались двое ученых из Нивеума – биолог и анестезиолог. Мастер Эд радовался им так, будто встретил близких родственников.

Вечерами, когда в гроте сгущались тени, лагерь замирал. В один из таких дней верхушка повстанцев собралась в центральном зале. У каменного стола я заметила отца и Селера – высокого, сухопарого мужчину с серебристыми глазами и чертами лица, словно высеченными из гранита.

– Верея, – обратился ко мне Селер. – Мы планируем налет на плантацию Флоса. Дошли слухи, что он опять заказал новую партию рабов. Нам нужен план ограды и тот участок с песками, где ты сделала подкоп.

– Я не только набросаю план, но и смогу пробраться в казарму для разведки, – ответила я. – Там осталась моя подруга Лада.

– Верея, ты останешься здесь, – резко перебил отец, скрепив руки на груди. В его голосе была не только строгость, но и неприкрытый страх. – Ты нужна лагерю как Целитель. Мы не имеем права рисковать тобой.

– Мы все здесь рискуем, отец, – я постаралась, чтобы голос звучал твердо. – Обещаю, я буду осторожна.

– Ты уверена, что пройдешь незаметно? – Селер пытливо взглянул на меня.

– Абсолютно. Жаль только, что мы не можем снять ошейники. Вырубить бы Флоса хоть на время!

– На время? – анестезиолог задумчиво переглянулся с биологом. – А если отключить его всерьез и надолго? Ввести в состояние искусственной комы или стазиса?

– Капсулы! – осенило меня. – Мастер Эд говорил, что в них есть режим глубокой реабилитации. По сути – тот же стазис.

– Получается, – Селер начал быстро постукивать пальцами по столу, – нам нужно захватить Флоса живым, привезти в пещеры и запереть в капсуле. В коме он не сможет активировать ошейники, но нейронная сеть будет считывать, что хозяин жив. Рабы останутся в безопасности.

В гроте воцарилась тишина. Каждый прокручивал в голове этот безумный, но гениальный план.

– Огромный риск, – нарушил молчание отец. – Нужно усыпить его мгновенно, чтобы он не успел нажать на кнопку или подать сигнал охране. Лучше сделать это во сне.

– У него около шести наемников, – прикинула я. – Охранники-рабы вряд ли станут бросаться на амбразуру ради хозяина. А насчет того, как подсыпать снотворное в ужин... Есть у меня там одна знакомая повариха.

Глава 6. Пока Он Спит

Несмотря на настойчивые уговоры отца, мне удалось убедить его: без меня они не найдут лазейку. Он долго молчал, угрюмо глядя в сторону, но в конце концов сдался. И вот теперь мы возвращались туда, откуда я бежала всего несколько недель назад.

Тогда путь от владений Флоса до каньона занял у меня вечность. Сейчас прошло лишь три часа, и мы уже видели в прицелах знакомую ограду.

Чем ближе мы подходили, тем тяжелее становился воздух. Память услужливо подсовывала обрывки страха, липкое чувство унижения и запах рабских бараков. Перед самым рассветом я переделалась в грязный балахон и обмотала голову выцветшим платком. Грузовики оставили в миле, чтобы не выдать себя ревом моторов.

Я, отец и Селер прокрались вдоль границы к тому самому участку. Мужчины принялись бесшумно углублять мой старый подкоп. Я нервно сглотнула, глядя на колючую проволоку, по которой змеился ток.

– Как только Флос отключится, подавай сигнал, – напомнил отец, вкладывая мне в руку миниатюрный передатчик. – Мы будем ждать у южных ворот. Будь осторожна, дочка.

– Все будет хорошо, – заверила я его, хотя сердце дико колотилось о ребра.

Я юркнула в узкую лазейку. Знакомый песок заскрипел на зубах.

Оказавшись по ту сторону, я замерла, вжимаясь в тень. Двор был пуст. Тишина казалась неестественной, звонкой, словно перед грозой. Я бесшумно двинулась к казарме.

Тень от стены скользила за мной, как призрачный спутник. Ни наемников, ни патрулей. Слишком спокойно. Это пугало больше, чем если бы я увидела стражу.

Осторожно приоткрыв тяжелую дверь, я замерла на пороге. В нос ударил тяжелый, спертый дух: пот, дешевое мыло и безнадежность. Вдоль стен на матах спали люди. В полумраке тускло поблескивали их ошейники – десятки маленьких огоньков-индикаторов, подтверждающих, что хозяин жив.

Я прошла вдоль коек, стараясь не наступать на скрипучие доски, пока не нашла ее.

Повариха спала беспокойно, нахмутив лоб. Я наклонилась, прикрыла ей рот ладонью и слегка сжала плечо. Она дернулась, распахнула глаза. В первую секунду в них плеснул первобытный ужас, но, узнав меня, она заметно расслабилась. Ее пальцы впились в мое запястье, проверяя, не галлюцинация ли это.

Я кивнула на выход. Она молча обулась и скользнула следом.

Мы добежали до старого амбара и скрылись между пыльными мешками с зерном. Женщина вдруг резко разверну-

лась и крепко обняла меня, уткнувшись лицом в плечо. Ее пальцы мелко дрожали. Отстранившись, она посмотрела мне в глаза и кивнула в сторону пустыни, безмолвно спрашивая: «Зачем ты вернулась?»

– Ночью мы вытащим вас отсюда, – прошептала я, доставая маленький флакон. – Это снотворное. Вечером его нужно всыпать в ужин Флоса. Все до капли. Сможешь?

Повариха напряженно посмотрела на пузырек, затем на меня. Ее взгляд стал решительным. Она твердо кивнула.

– Мне нужно спрятаться до заката. На кухне есть место?

Она на миг задумалась и повела меня в сторону столовой. Мы крались, ловя каждый шорох. Внутри она подошла к массивному разделочному столу, присела и открыла нижний глубокий ящик. Вытащила оттуда тяжелые мешки с мукой, освобождая узкое пространство в самом углу.

Я юркнула внутрь, подтянув колени к подбородку. Тесно, пахнет мучной пылью и старым деревом. Женщина сунула мне лепешку и флягу с водой, а затем аккуратно заложила меня мешками. Тяжелая крышка захлопнулась.

Вокруг сомкнулась абсолютная темнота. Желудок сжался от напряжения, есть не хотелось. Все тело превратилось в один большой слух.

Я прислонилась лбом к прохладной стенке и, несмотря на бьющий в кровь адреналин, под мерный шум просыпающейся кухни незаметно задремала.

***

Жуткая духота вырвала из сна. Воздух в ящике превратился в раскаленный пар: одежда липла к телу, пот жгучими струйками стекал по позвоночнику. Горло саднило. Я сделала два глотка из фляги, экономя каждую каплю, и прильнула к замочной скважине.

Снаружи доносился гул моторов и топот. Сейчас около двух часов дня. До ужина – вечность, до спасения – еще дольше.

Вдруг голоса стихли. Пространство в столовой словно вымерло. Люди опустили головы, боясь даже жевать. В этой вакуумной тишине я отчетливо услышала шаги – тяжелые, властные.

– Она! – голос Флоса прозвучал как удар хлыста.

Послышался шаркающий звук. К ногам хозяина бросили девушку. Рукояткой плети он грубо вскинул ее подбородок.

Я вздрогнула: на коленях перед ним стояла Лада. Бледная, сжавшаяся, с мелко дрожащими плечами.

– К вечеру чтоб была готова! – приказал Флос какой-то женщине рядом.

Мир качнулся. Если он тронет Ладу... Если этот мерзавец... Я зажмурилась, чувствуя, как ярость вскипает в крови, смешиваясь с ледяным страхом.

– А ты, жирная тварь! – Флос внезапно развернулся к поварихе и хлестнул ее плетью. Она едва успела закрыть ли-

цо. – Мне надоели твои помои! Вот эту новенькую, – он ткнул пальцем на испуганную женщину в пестрой жилетке, – на кухню. Если к ужину не успеешь – отправишься на плантации! А старую – в камеру. Завтра продадим ее на рынке.

Один из наемников грубо потащил ее прочь.

Мой план рушился на глазах. Повариха – в камере вместе со снотворным. Лада – обречена на вечер с Флосом. У меня больше не было времени. У меня не было даже десяти минут на раздумья.

Новенькая кухарка принялась за работу с пугающим рвением. Она драила столы, переставляла бочки, гремела посудой. Я затаилась, вжимаясь в стенку ящика, пока воздух вокруг не наполнился ароматами жареного мяса и пряностей.

И вдруг – скрежет.

Женщина потянулась за мешком с мукой, но не рассчитала сил. Верхние тюки посыпались, обнажая мое укрытие. Наши глаза встретились. Секунда изумления в ее взгляде сменилась вдохом для крика.

Я метнулась вперед, прежде чем она успела издать хоть звук. Одной рукой зажала ей рот, другой – нащупала сонную артерию, точно, как учили в Обители. Через две минуты она обмякла. Быстро связав и заткнула ей рот кляпом, я запихнула ее в свой «мучной гроб».

Пути назад не было. Натянув ее пеструю жилетку, я повязала платок так, чтобы остались только глаза, и дрожащими руками принялась раскладывать еду на тяжелом серебряном

подносе.

Через полчаса на кухне вырос охранник.

– Живей! Хозяин ждет.

Я покрепче затянула платок и, стараясь копировать семенищую походку кухарки, двинулась следом за ним.

Миновав несколько этажей дворца, я старалась запомнить каждый поворот. Особняк был огромен: три этажа с бесконечными рядами дверей. Мелькнула лестница, ведущая в подвал.

Охранник оставил меня у массивных дверей и, не проорвав ни слова, исчез за поворотом. Двое наемников у входа окинули меня ленивыми взглядами. Один из них молча распахнул дверь, жестом приказывая войти.

Мои ладони вспотели, а под чужой жилеткой поднималась волна тошноты. Я сделала шаг вперед, чувствуя, как дрожат пальцы.

Внутри царил полумрак. Воздух был густым, липким, пропитанным запахом дорогого вина, пота и чего-то сладко-жуткого. Стараясь не смотреть на Флоса, я быстро поставила поднос на столик и уже собиралась выскользнуть вон, как услышала тихий, надломленный стон.

Я замерла. Лада была привязана к столбу балдахина. Ее тело покрылось синяками и багровыми кровоподтеками. Она приподняла голову, и мы встретились взглядами. Ее глаза были пустыми, затуманенными болью.

Ярость, чистая и ледяная, вытеснила страх. Сейчас или

никогда.

Не раздумывая ни секунды, я метнулась вперед. Прыгнула Флосу на спину, намертво зажав ему рот. Второй рукой – резко, точно – ударила ребром ладони в кыдык, а следом – костяшками в висок. Тело хозяина дернулось и рухнуло на ковер, как мешок с гнильем.

Тут же опустившись рядом, мои пальцы впились в его сонную артерию, пропуская через кончики силу и удерживая его на самой грани между глубоким обмороком и смертью. Нужно было выверить дозу так, чтобы он не очнулся, но и не ушел за Грань.

Убедившись, что пульс стал редким и нитевидным, я нажала на датчик. Сигнал ушел. Только тогда я бросилась к Ладе.

Перерезав веревки, я помогла ей спуститься. Ее тело пошатывалось, руки судорожно вцепились в мою одежду. Она молча прижалась ко мне, и моя сорочка на спине тут же намочила от ее крови и беззвучных, горьких слез.

Я коснулась ладонью ее солнечного сплетения, делясь силой. Лада вздрогнула, ее пальцы разжались и взгляд прояснился.

– Я умру, когда он очнется, – прошептала она, указывая на ошейник.

– Не сегодня, подруга. Мы устроим ему очень долгий сон. Можешь идти?

– Да.

Я оттащила Флоса на кровать. Через пару минут в дверь негромко постучали. Лада мгновенно подобралась и встала у стены в тени. Я открыла дверь и, выдавив кокетливую улыбку, поманила наемника.

Тот зашел, явно предвкушая что-то интересное, но Лада встретила его ударом ноги. Он рухнул, а она с холодной решимостью добавила в пах и в висок. Наемник обмяк. Второй, услышав шум, ворвался следом, но я подставила подножку – он впился носом в спинку кровати и отправился в беспамятство вслед за хозяином.

Спустя полчаса в коридоре раздались быстрые, слаженные шаги. Я прильнула к скважине и с облегчением выдохнула.

– Отец!

Мы обнялись прямо на пороге.

– Все в порядке, дочь?

– Отец? – Лада не сводила с него глаз.

– Да, Лада. Помнишь, я говорила, что он пропал на Сервитусе? Теперь нашелся.

– Рада за тебя, – она слабо улыбнулась. – Я Лада.

– Найден. Рад знакомству, – отец быстро кивнул и повернулся к Селеру. – Так, этого борова – в капсулу. А с этими что? – он указал на наемников.

– Нельзя оставлять свидетелей, – голос Селера был холодным, как сталь. – В лагерь их брать нельзя. Риск слишком велик.

Отец молча кивнул. Мы вышли из комнаты, и за нашей

спиной Селер прикрыл дверь. Я старалась не думать о том, что произойдет за ней в следующую секунду.

В подвале особняка мы нашли камеры, больше похожие на клетки. За массивными дверями томились люди. Ключей не было, и отец помедлил секунду, затем решительно закатал рукава.

– Отойдите, – скомандовал он.

Закрыв глаза, он на мгновение замер, а затем резко встряхнул кистями рук, словно сбрасывал невидимые окувы. На кончиках его пальцев заплясали белые искры. Усилив пламя коротким резким выдохом, отец направил струю ослепительного огня прямо в кольцо замка. Металл зашипел, раскаляясь добела. Спустя минуту дверь с грохотом поддалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.